

III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

УДК 803.0(075.8)

Е. А. ГОНЧАРОВА

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

СОДЕРЖАНИЕ И ВЫРАЖЕНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕКСТАХ ПЕЧАТНОГО ИНТЕРВЬЮ

Ключевые слова: текст, тип текста, дискурс, интервью, интервьюер, интервьюируемый, читатель, диалог, диалогические отношения, коммуникативная функция, дискурсивная фаза текста, композиционная часть текста.

В статье освещаются прототипические черты текста печатного интервью, обусловленные характером эксплицитного и имплицитного выражения в нем диалогических отношений. Проводится сопоставительный коммуникативно-прагматический и стилистический анализ дискурсивных фаз создания интервью и его разных композиционно-структурных частей.

E. GONCHAROVA

Herzen State Pedagogical University of Russia

FORM AND CONTENT OF DIALOGIC RELATIONS IN THE TEXTS OF PUBLISHED INTERVIEW

Keywords: text, text type, discourse, interview, interviewer, interviewee, reader, dialogue, dialogical relations, communicative function, discursive phase of the text, composite-structural components.

The article dwells on the prototypical features of published interview determined by the explicit or implicit character of expressing dialogical relations in it. A comparative communicative-pragmatic and stylistic analysis of the discursive phases of creation interview and the composite-structural components are suggested.

Несмотря на достаточно большое число исследований, в которых интервью изучается как один из универсальных методов получения информации в массмедийной коммуникации и публицистический диалогический жанр, вопросы, связанные с особенностями содержания и выражения диалогических отношений в интервью, продолжают оставаться актуальными. Объясняется это, прежде

всего, тем, что для самого терминологического словосочетания «диалогические отношения» в современной филологии существует целый пучок различных толкований, вытекающих из широкого или узкого понимания диалога как такового и, далее, признания или непризнания за цепью диалогически связанных между собой отдельных высказываний статуса текста.

Непрекращающиеся дискуссии по проблемам диалога были инициированы в свое время трудами М. М. Бахтина, в которых они вынесены на глубокий философский уровень, что позволило ученому придать диалогическим отношениям всеохватывающий гуманитарный характер и утверждать не только по отношению к поэтике изучаемой им полифонической прозы Ф. М. Достоевского: «Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться» [1, с. 294].

По-прежнему своевременны сегодня и соображения М. М. Бахтина о сущности диалогических отношений в антиномии языка и речи: «Язык и речь можно отождествлять, поскольку в речи стерты диалогические рубежи высказываний. Но язык и речевое общение (как диалогический обмен высказываниями) никогда нельзя отождествлять. Возможно абсолютное тождество двух и более предложений (при накладывании друг на друга, как две геометрические фигуры, они совпадут), более того, мы должны допустить, что любое предложение, даже сложное, в неограниченном речевом потоке может повторяться неограниченное число раз в совершенно тождественной форме, но как высказывание (или часть высказывания) ни одно предложение, даже однословное, никогда не может повторяться: это всегда новое высказывание (хотя бы цитата)» [2, с. 286].

Похожие мысли выражают немецкие исследователи разговорной речи, когда отмечают диалогический характер любого конкретного использования языка человеком: „Eine der Grundannahmen pragmalinguistischer Forschung, dass nämlich Äusserungen grundsätzlich intentional und partnerorientiert sind, setzt immer schon die Vorstellung gesprächsweiser Sprachproduktion voraus“ (курсив мой. — Е. Г.) [9: 261]. Авторы говорят и об онтологической неестественности состояния человека, лишенного возможности диалогического общения с другими: „[Der] Entzug der Möglichkeit zum Gespräch [ist] für uns unangenehm bis unerträglich und [kommt] in systematischer Form

eigentlich nur als Teil schwerer Strafmaßnahmen (Einzelhaft) oder als selbstauferlegte Entbehrung (Schweigepflicht oder Schweigegeübde in religiösen Zusammenhängen) [vor]“ [ebenda].

М. М. Бахтин считал, что «диалогические отношения (курсив мой. — Е. Г.) „<...> не могут быть сведены ни к чисто логическим (хотя бы и диалектическим), ни к чисто лингвистическим (композиционно-синтаксическим). Они возможны только между целыми высказываниями разных речевых субъектов. <...> Там, где нет слова, нет языка, не может быть диалогических отношений. <...> Диалогические отношения — это отношения (смысловые) между всякими высказываниями в речевом общении. Любые два высказывания, если мы сопоставим их в смысловой плоскости (не как вещи и не как лингвистические примеры), окажутся в диалогическом отношении» [2, с. 296].

Согласно процитированным положениям, диалогические отношения присутствуют не только в речи, определяемой в лингвистике как «диалогическая форма (тип) речи», то есть в речи, «<...> состоящей из обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта» [6, с. 135]. Они затрагивают и (протяженную) монологическую речь, произнесенную или написанную одним лицом, так как «<...> могут проникать внутрь высказывания, даже внутрь отдельного слова, если в нем диалогически сталкиваются два голоса» [1, с. 214] — собственно авторский и чужой.

Подобное понимание диалогических отношений и диалога нельзя считать, по мнению и самого М. М. Бахтина, чисто лингвистическим. Его можно отнести к «металингвистике», которая должна изучать «те стороны жизни слова, которые выходят — и совершенно правомерно — за пределы лингвистики» [1, с. 210]. Строго говоря, такие области современной лингвистики как лингвистика текста, дискурса и стиля — в силу характерных для их исследовательских приемов экспансионизма и междисциплинарного взаимодействия с иными гуманитарными науками, а также сложности изучаемых в них объектов (включая и особенности речевой актуализации диалогических отношений) — развиваются в логике «металингвистики».

При изучении диалогических отношений в печатном интервью как самостоятельном типе медиатекста также возможно выделе-

ние в исследовательских интересах «чисто» лингвистического (более подробно исследованного) и металингвистического аспектов. В лингвистическом плане для текста печатного интервью, как и для некоторых других видов текста, построенных на чередовании высказываний двух участников общения (философских диалогов, научных дискуссий, ток-шоу), характерна, например, утрата большинства типологических признаков «живой» разговорной речи: спонтанности, заботы о форме выражения, автоматизма и клишированности речи (ср. [8, с. 320]).

Это связано, во-первых, с тем, что текст интервью, бытуя в сфере массмедийной коммуникации, рассчитанной на оперативное предоставление информации массовому потребителю, имеет «усредненную», то есть понятную всем языковую форму. Во-вторых, интервью существует, как известно, в устном и письменном виде. Например, устное интервью на радио- или телевидении приобретает письменную форму в соответствующих дайджестах, а печатный текст интервью, с которым знакомится читатель газет и журналов, всегда предваряется его устной реализацией. Подобная конвертируемость устной и письменной форм текста вызывает снижение в его лингвостилистической ткани конструктивной роли элементов разговорности. И, наконец, в-третьих, любое интервью — и устное и печатное — принадлежит к сфере публичного дискурса, и в нем, как правило, затрагиваются темы не исключительно персонального, но и общественно значимого, социально-культурного свойства, что заставляет участников интервью прибегать к общепотребительной лексике и понятным для всех формулировкам.

Для металингвистического уровня изучения диалогических отношений в интервью в первую очередь имеет значение предписанный и взаимообусловленный характер коммуникативных ролей участников устного диалога. Журналисту — инициатору устного диалогического общения (интервью как *дискурс*) и продуценту опубликованного *текста* интервью — принадлежит институциональная коммуникативная роль организатора и ведущего диалога (нем. *bevorrechtigter Gesprächspartner* [9, S.290]). В соответствии с этой ролью он выполняет коммуникативные функции установления и поддержания контакта с персонажем интервью, вступления в диалог и его завершения, постановки вопросов, выбора обсуждаемой темы и ее изменения, оценки содержания высказываний собеседника и др. Функции интервьюируемого состоят в ответах

журналисту. Последовательность и содержание совершаемых им речевых действий-реакций, находятся в зависимости от стимулирующих коммуникативных функций интервьюера.

Специфика диалогических отношений в текстах печатного интервью определяется, далее, тем, что процесс его производства включает в себя следующие три тесно связанные между собой дискурсивные фазы:

- 1) стратегического и тактического (предтекстового) планирования хода беседы;
- 2) речевой реализации непосредственного живого диалога интервьюера с интервьюируемым;
- 3) компоновки печатного текста.

Следует отметить, что первая и третья фазы отличаются от второй большей автономностью и самостоятельностью ментально-речевой деятельности интервьюера по сравнению с участием в реализации диалогических отношений персонажа интервью. Контакт интервьюера с персонажем интервью после получения согласия последнего на участие в нем, предшествующий непосредственному диалогическому общению, устанавливается посредством (внутренних, мысленных) обращений/вопросов автора интервью к интервьюируемому, а также знакомства журналиста с источниками дополнительной персональной или социальной информации об интервьюируемом. Кроме того, журналист с помощью спорадических (устных или письменных) уточнений деталей предстоящего (в первой фазе дискурса интервью) или уже реализованного общения (в третьей фазе), а не в пространным речевом диалоге с партнером по интервью «оттачивает» окончательный текст — результат своих и чужих дискурсивно взаимообусловленных речевых и невербальных действий. Наряду с этим все три дискурсивных фазы интервью объединены между собой и характерной для этого типа текста коммуникативно-прагматической двуадресностью: как интервьюер, так и персонаж интервью учитывают в каждой из них наличие, помимо своего непосредственного партнера по коммуникации, потенциального массового читателя.

В структурно-языковом плане выпущенный в свет печатный текст интервью имеет, как правило, две композиционных части: монологическую (краткое сообщение журналиста, предваряющее

собственно диалог) и диалогическую (письменная репродукция диалога между участниками интервью). В монологическую часть текста, имплицитно и эксплицитно пронизанную диалогическими смыслами, входят: 1) заголовок; 2) подзаголовок; 3) экспозиция, или преамбула. Диалогическая часть представляет собой, как уже говорилось, письменную фиксацию устно реализованных иницирующих реплик журналиста и реагирующих реплик его респондента. Каждая из композиционно-структурных частей текста, так или иначе, соотносится по содержанию и форме выражения с тремя дискурсивными фазами интервью.

Так, в первой фазе, наименее доступной наблюдениям интерпретатора текста и разгадываемых на основе текстовых актуализаций определенных композиционно-смысловых элементов опубликованного интервью, интервьюер разрабатывает систему предполагаемых коммуникативно-речевых шагов в общении с избранным собеседником. Можно предположить, что добросовестный журналист, до того, как он вступит в непосредственный диалог со своим партнером, ознакомится, с одной стороны, с определенными фактами из его частной и / или публично-общественной жизни, с какими-то высказываниями своего адресата, с мнениями о нем других, с другой — с вопросами, которые могут быть интересны для собеседника.

Речевые следы подобных действий содержатся, как правило, во-первых, в монологической части печатного интервью. Анализ языкового материала¹ показал, что в своей наиболее типичной форме заголовок печатного интервью (обязательная композиционно-структурная часть текста) представляет собой цитату — выдержку из высказывания интервьюируемого, заключаемую в кавычки. Интервьюер, выбирая именно эту цитату, выражает средствами чужой прямой речи собственную точку зрения и свое понимание сути вопросов, поднимаемых в разговоре с персонажем интервью, за счет чего усиливается роль заголовка как значимого «двуголосого» (по М. М. Бахтину) речевого сигнала для осмысления читателем «содержательно-фактуальной» и «содержательно-концептуальной информации» текста [4, с. 27–28; 133–134].

¹ В качестве языкового материала в статье используются номера журнала „Der Spiegel“ за 2016 год.

Например, интервью с зоологом Йозефом Рейхгольфом о причинах внезапно охватившего Германию в 2016 году птичьего гриппа озаглавлено: „Die Stallpflicht ist schädlich“ (Spiegel. Nr. 50 / 10.12. 2016, S. 119), а с бургомистром Кельна Генриеттой Рекер по поводу драматичной новогодней ночи в этом городе в наступившем 2016 году — „Wir dürfen es nicht hinnehmen“ (Spiegel. Nr. 2 / 9. 1. 2016, S. 22–25). И в том и в другом случаях заголовок содержит «двуголосую» оценку обсуждаемых в интервью событий — эксплицитную со стороны автора процитированных слов и имплицитную со стороны интервьюера, выбравшего соответствующие слова в качестве начального «сильного» знака текста. Вынося какую-то реплику персонажа интервью в название текста, журналист реализует собственную концептуально-тематическую установку: он, если перефразировать Л. С. Выготского, акцентирует самую важную тему текста и намечает ту доминанту, которая определяет собой тематическое развертывание и все построение текста [3, с. 152]. Тем самым журналист активизирует и потенциальную деятельность читателя по пониманию и собственной интерпретации содержания интервью.

Подзаголовок и экспозиция (преамбула), находясь между заголовком и репродуцированным диалогом интервью, связываются смысловым и прагматическим диалогическим отношением с заголовком и со всем текстом. Они могут иметь больший или меньший количественный объем в структуре текста печатного интервью и иногда либо заменяют друг друга, либо совмещаются в одной текстовой позиции.

Так, первое интервью имеет только подзаголовок, представляющий собой краткую аннотацию текста:

- (1) *Der Zoologe Josef Reichholf über die wahren Verursacher der Vogelgrippe, verseuchte Äcker und den Verbot der Entenjagd.* (Spiegel. Nr. 50 / 10.12. 2016, S. 119)

Подзаголовок второго интервью также выполняет функцию аннотации текста, в которой, однако, содержится и свернутая по форме сюжетная экспозиция двух драматических событий в жизни самой госпожи Г. Рекер и всей Германии:

- (2) *Die Kölner Oberbürgermeisterin Henriette Reker, 59, sucht nach Erklärungen für die sexuellen Übergriffe in der Silvesternacht — und*

den Anschlag auf ihr Leben im Herbst. (Spiegel. Nr. 2/ 9. 1. 2016, S. 22)

При этом следует учитывать, что сам факт появления интервью в устной коммуникации (на радио или телевидении) или в печати обусловлен генеральной интенцией журналиста: познакомить слушателей / читателей с какой-то известной личностью, которая интересна ему или массмедийному органу, который интервьюер представляет. По его предположениям, эта личность и ее точка зрения могут быть интересными для массового адресата из-за личностных черт или поступков, а также социально значимого положения в обществе. Речевые отсылки к биографии персонажа, указывающие на неслучайный интерес к нему интервьюера и выступающие одновременно в функции текстовых элементов аттракции, присутствуют обычно в подзаголовке или преамбуле к тексту:

Например:

(3) **„Bum, bum, bum“**

Rafael Nadal hat 14 Grand-Slam-Turniere gewonnen, jetzt will er in seiner Heimat aus Talenten neue Stars formen. Ein Treffen in seiner Nachwuchsakademie auf Mallorca. (Spiegel. Nr. 42 / 15.10.2016, S. 98–100)

(4) **„Wer sagt, dass er nicht will?“**

SPD-Vize Olaf Scholz, 57, entwirft ein Regierungsprogramm für die Sozialdemokratie: Die Partei muss für Weltoffenheit stehen und Angebote für die bedrängte Mittelschicht machen. (Spiegel. Nr. 23 / 4.6.2016, S. 26–28)

Приведенные монологические композиционные части двух печатных интервью демонстрируют двойственную функционально-прагматическую природу этих «сильных позиций» текста, обладающих внутренними диалогическими свойствами и проспекции и ретроспекции. С одной стороны, они соотносятся ретроспективно не только с заголовком текста, но и с определенными «объективными» сведениями о герое интервью, а с другой — проспективно проецируются на тематическое содержание дальнейшего диалога.

В заголовке первого интервью журналистом имитируются звуки удара ракетки Рафаэля Надаля (испанской звезды тенниса) во время тренировки, которые он слышит, наблюдая своего героя пе-

ред интервью. Звуковую метафору можно рассматривать как своеобразный символ неустанной деятельности персонажа интервью. Вопрос, вынесенный в заголовок второго интервью, представляет собой дословную эмоциональную реакцию политика Олафа Шольца на вопрос журналиста в ходе интервью: „Stehen Sie als Kandidat zur Verfügung, falls Gabriel nicht will?“. Как видим, смысловая и прагматическая диалогическая «расщепленность» в обоих случаях присуща практически всем монологическим композиционным компонентам текста, предворяющим собственно диалог.

Начальная реплика диалога в интервью всегда исходит от интервьюера. Она является для интервьюируемого стимулом для вступления в диалог, а для читателя — высказыванием, содержащим, как правило, дополнительную информацию о личности и социальной позиции персонажа интервью. Например, в разговоре журналистов «Шпигеля» с представителем партии «Зеленых» Фолькером Бекком, не выдвинутым партией на последние выборы в Бундестаг, первая и последующие реплики интервьюера соотнесены посредством дейктических элементов речи с определенными (внеязыковыми) ситуациями из жизни интервьюируемого, которые служат выражению в тексте *ситуативного дейксиса* (ср. [9, S. 220–221]). Параллельно с этим в тексте интервью содержатся указания на прежние речевые высказывания персонажа интервью, а также на высказывания о нем других, за счет чего создается *коммуникативно-прагматический дейксис* — как сигнал подключения к интенциональности говорящего чужих голосов. И тот и другой виды дейксиса играют роль дополнительного стимулятора диалогических отношений между интервьюером и интервьюируемым, с одной стороны, и знаком прагматической открытости текста интервью мнениям массового потенциального читателя — с другой:

- (5) SPIEGEL: *Die Grünen haben Sie nach 22 Jahren nicht mehr für die nächste Bundestagswahl aufgestellt. Schmerzt Sie das?*
- (6) SPIEGEL: *Wenn man mit Leuten aus Ihrer Partei spricht, dann hört man immer wieder: der Volker legt bei anderen gern die Finger in die Wunde, aber bei seinen eigenen Fehlern ist er ziemlich nachsichtig.*
- (7) SPIEGEL: *Die Kritik bezog sich damals gar nicht so sehr auf das Kapitel an sich, sondern dass Sie mehrfach gesagt hatten, der Herausgeber hätte Ihren Text verfälscht.* (Spiegel. Nr. 50 / 10.12. 2016, S. 48)

Интервью с председателем правления известного в Германии концерна „Unilever“ Паулем Польманом открывается следующей репликой:

- (8) **SPIEGEL:** *Herr Polmann, Sie gelten als Weltverbesserer unter den Konzernchefs. Glaubt man Ihnen, hilft Unilever mit seinen Brühwürfeln, die Frauenrechte weltweit zu stärken. Meinen Sie das ernst?* (Spiegel. Nr. 23 / 4.6.2016.; S. 76)

Выделенные жирным шрифтом речевые сигналы внутреннего диалогического «расщепления» начальных инициальных реплик свидетельствуют о том, что интервьюер знает как содержательные подробности публичного дискурса, связанного с концерном, так и детали коммерческой политики его руководства. Одновременно с этим автор текста своим первым «двуголосым» вопросом, отмеченным имплицитной субъективной модальностью, не только открывает полемику с собеседником, но и развивает контекст упомянутого публичного дискурса.

В дальнейшем ходе интервью реплики-стимулы интервьюера, сами по себе являющиеся структурно-композиционной частью (репродуцированного) диалога, неоднократно содержат свернутые цитаты из прежних высказываний П. Польмана, которые также придают этим репликам характер «двуголосого слова»:

- (9) **SPIEGEL:** *Sie haben deren Hunger (den Hunger der Aktionäre — E. G.) nach kurzfristigen Ergebnissen einst mit dem Lechzen eines Junkers nach dem nächsten Schuss verglichen — und deshalb Ihre ausführlichen Quartalsberichte abgeschafft.* (Spiegel. Nr. 23 / 4.6.2016: 76)

Помимо регулярной смены коммуникативных ролей говорящего и слушающего, реализуемых в репликах-стимулах и репликах-реакциях, во второй (диалогической) фазе дискурса интервью могут быть актуализированы и другие оттенки прагматических и смысловых проекций собеседников друг на друга. Отметим здесь, прежде всего, обоюдное прерывание реплик говорящего (как интервьюируемого — пример (10), так и интервьюера — пример (11)), которое можно рассматривать как эксплицитное риторическое выражение в поверхностной структуре синтаксического диалогического единства голосов обоих участников беседы. Подобный прием, являясь помехой для реализации «иллокутивной силы» ди-

алогического высказывания непосредственного коммуникативно-го партнера, сообщает в то же время дополнительную информацию третьему участнику дискурса интервью — читателю и персуазивно воздействует на него.

(10) **Polman:** *Ich bin auch mit dem Europa-Geschäft zufrieden. Wir wachsen zwar nicht überall und nicht in allen Sparten, aber 2015 hatten wir zum Beispiel einen Rekordumsatz bei Langnese ...*

SPIEGEL: *... was vor allem am guten Wetter lag!*

Polman: *Natürlich, aber auch daran, dass wir bei Eiscreme ebenfalls Neues ausprobieren.* (Spiegel. Nr. 23 / 4.6.2016, S. 79)

(11) **SPIEGEL:** *Sie haben Frauen geraten, bei Großveranstaltungen mindestens eine Armlänge Abstand zu Fremden zu halten ...*

Reker (die Kölner Bürgermeisterin. — E. Г.): *... und dafür eine Menge Spott und Kritik kassiert.* (Spiegel. Nr. 2 / 9.1.2016, S. 24)

Уточняющие вопросы интервьюера, вопросы-перебивки, вопросы-переформулировки, вопросы-корректировки (см. [5, с. 146–152; 7, с. 174]) достаточно часто используются в текстах интервью как средство углубления диалогически расщепленного информационно-смыслового плана целостного текстового сообщения. К ним относятся, например, такие вопросительные реплики как: *Wie meinen Sie das? Welche meinen Sie? Was meinen Sie damit? Geht es nicht auch um ...? Wie kommen Sie darauf? Nämlich? Können wir festhalten, dass...? Gilt das auch für ...? Haben Sie eine Erklärung dafür? Wie realistisch ist das überhaupt? Also lässt man alles einfach weiterlaufen wie bisher? Entschuldigung, was ist?...was heißt? Was heißt das konkret? Woher wissen Sie, dass ...? Glauben Sie wirklich, dass ...?*

Завершая рассмотрение видов диалогических отношений в печатных текстах интервью, отметим, что прагматическая «двунаправленность» ментально-речевых действий двух сторон осуществляемой их посредством коммуникации (интервьюера и интервьюируемого) лежит в основе планов содержания и выражения не только в письменно репродуцированной диалогической части текста. Принцип «двуголосия» высказывания пронизывает как некое подводное течение и подготовительную, и завершающую (условно монологические) фазы создания и формулирования текста, обеспечивая бóльшую открытость и глубину разных аспектов текстовой информации для потенциального читателя.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Советская Россия, 1979.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
3. Выготский, Л. С. Психология искусства / под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1987.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 3-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2005.
5. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. 4-е изд. М.: Красанд, 2013.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
7. Смелкова, З. С. Риторические основы журналистики / З. С. Смелкова, Л. В. Ассуирова, М. Р. Савова, О. А. Сальникова. 6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003.
9. Linke, A. Studienbuch Linguistik / A. Linke, M. Nussbauer, P. R. Portmann. 2. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1994.

References

1. Bahtin, M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [*Problems of Dostoevsky's Poetics*]. 4th ed. Moscow, Sovetskaia Rossia Publ., 1979. (In Russian)
2. Bahtin, M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [*The aesthetics of verbal art*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. (In Russian)
3. Vygotskij, L. S. *Psihologia iskusstva* [*The psychology of art*]. Ed. by M. G. Iaroshevskii. Moscow, Pedagogika Publ., 1987. (In Russian)
4. Gal'perin, I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovania* [*Text as an object of linguistic research*]. 3th ed., stereotip. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005. (In Russian)
5. Dobrosklonskaya, T. G. *Voprosy izuchenia mediatekstv: Opyt issledovania sovremennoi angliiskoi mediarechi* [*The issues of media texts: The experimental study of the modern English media speech*]. 4th ed. Moscow, Krasand Publ., 2013. (In Russian)
6. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [*Linguistic encyclopedic dictionary*]. Ed. by V. N. Iarcev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia, 1990. (In Russian)
7. Smelkova, Z. S., Assuurova, L. V., Savova, M. R., Saľnikova, O. A. *Ritoricheskie osnovy zhurnalistiki* [*Rhetorical basic of journalism*]. 6th ed. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. (In Russian)

8. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003. (In Russian)

9. Linke, A. *Studienbuch Linguistik* / A. Linke, M. Nussbauer, P. R. Portmann. 2. Aufl. Tübingen, Niemeyer, 1994.

Гончарова Евгения Александровна

профессор кафедры немецкой филологии
Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, Мойка, 48

Evgenia A. Goncharova

Professor, German Philology Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Doctor of Philological Sciences
48, Moika, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

E-Mail: eagon@rambler.ru